

*Детство — это время множества вопросов,
возможностей и последствий.*

А. Адлер

*Один отец значит больше,
чем сто учителей.*

Д. Герберт

Я часто вспоминаю то светлое и чистое время, когда мы с папой и моей сестрой отправлялись на окраину города, туда, где старое озеро.

Озеро это называлось Яма, и название свое оно получило не от одноименной повести Куприна, а от того, что, если верить преданиям, было на-

столько глубоко и обширно, что только смельчаки отваживались донырнуть до самого его дна.

Хотя другие говорили о том, что во время Великой Отечественной войны возле него проходил мост, связывающий правый и левый берег Десны. Его-то немцы и бомбили. И от бомбежек оно стало очень глубоким. Еще во второй половине XX века на одном из берегов этого озера можно было видеть бетонные остатки и часть фермы от некогда крупного сооружения.

Я все чаще и чаще вспоминаю те июльские жаркие дни, когда мы садились в автобус № 10 и доезжали до Силикатного завода. Оттуда пешком, вдоль старой узкой асфальтированной дороги, мимо исполинских тополей, которые, тоже по легенде, были посажены еще при императрице Екатерине, с рюкзаком, в сандалиях и панاماх топали навстречу беззаботному лету.

Тогда эти семейные вылазки казались мне чем-то обыденным и само собой разумеющимся. Но сейчас, когда земля, вращаясь, мчит со скоростью кометы и времени остановиться и окунуться в уютное детство все меньше и меньше, я понимаю, что каждый шаг, каждый день, каждое крошечное воспоминание из моего детства имеет для меня архиважное значение, спасая от отчаяния, уныния, суеты и бытовой серости.

У меня таких путешествий было немного. Причин тому несколько: и непростой характер папы, и моя принципиальная и не совсем уместная упертость в пику решению отца. С возрастом это все нивелируется и теряет свою детскую значимость, но главное, что они, эти минуты мини-путешествий, были.

Машин тогда было мало, да и разнообразием и количеством маршрутов общественного транспорта похвастаться город тоже не мог. Можно было идти прямо по обочине дороги, не боясь, что тебя собьют лихачи-дачники на личном транспорте и рейсовые автобусы, которые сейчас можно встретить через каждые десять минут. В то далекое время частная машина рассматривалась практически как преступление против трудового народа. Цена была «кусочей», и позволить ее себе мог только зажиточный гражданин. А зарабатывать на нее исключительно своим честным трудом было практически невозможно. Вот и воспринимались такие «трудяги» как «социальные, социалистические враги» — собственники.

Другое дело общественный транспорт. Пассажиры набивались в автобус, как кильки в банку. Шум, гам, авоськи, корзины с рассадой и цветами, сапки, грабли, цветные и однотонные сарафаны на широких бретельках, панамы в горошек,

женщины в телесах и их преданные мужья, безропотно тащившие на возделенный участок дачный скарб.

И вот на фоне всего этого разнообразия дачной флоры и фауны появлялся мой папа — красивый, загорелый, подтянутый, со своим большим выдавшим виды и выгоревшим от южного крымского солнца брезентовым рюкзаком.

Конечно, своим нестандартным, нарушавшим дачную идиллию видом он привлекал внимание пассажиров, контролера, водителя, тем самым вызывая у нас гордость и подсознательное чувство причастности к чему-то особенному. В рюкзаке у него всегда был нехитрый скарб: ласты «Акванавт», овальная маска с синим ободком и алюминиевой трубкой, ружье и костюм для подводной охоты. На поясе у него всегда красовался странного вида пояс для погружения, который «жители» автобуса № 10 ну никак не могли обойти вниманием.

Как правило, автобус ходил по расписанию, два или три раза в день. Поэтому мы отправлялись рано утром, а возвращались ближе к вечеру, когда солнце начинало катиться к закату, но было еще достаточно высоко, чтобы наши мокрые волосы и сандалии успели высохнуть, пока мы дотопаем до автобусной остановки.

Мама снаряжала нас провиантом: хлеб, сало, огурцы, помидоры, фрукты и, конечно же, зеленая отцовская пластиковая фляга с водой, которая за день нагревалась и из-за этого немного пахла пластмассой.

По пути следования автобуса к конечной остановке дачники исчезали из него, как семена укропа в дачных грядках, и к конечной остановке в нем оставалось два-три человека.

Надо сказать, что папа овладел невиданным мастерством оплаты проезда. У него всегда с собой был небольшой плотный прозрачный полиэтиленовый пакетик с талонами на проезд, который стоил тогда 4 и 5 копеек. Заходя в автобус или троллейбус, он доставал из пакетика талон, компостировал его, а затем, после проверки его кондуктором, мочил слюной проделанные в талоне дырочки и аккуратно заглаживал. И в пакетике оказывался «новый» проездной билет. Экономия была условная, но зато каков был ход мысли! Тогда я не мог понять смысла всех этих манипуляций, но, став старше, я и сам иногда ездил дважды по одному и тому же билету.

И вот когда автобус останавливался на остановке «Силикатный завод», мы выгружались всей гурьбой и шли по обочине к заветному озеру.

Оно было одним из многих озер в округе города, на которых мы проводили наше теплое

июльское детство. Были еще Запретка, Восьмерка и Магистрацкое, позже Лопуховатое, еще реже — река Снов, в силу своей значительной удаленности от города и отсутствия у нас машины.

На Восьмерке, например, мы впервые с папой запускали купленного в «Детском мире» воздушного змея, собранного и склеенного накануне его генерального запуска. Мы прозвали его Восьмерка, потому что иногда оно почти посередине зарастало камышом, и тогда вместо одного озера получалось два. Озеро больше напоминало два блюдца, небольших и плоских, по краям поросших ивняком, а на спокойной глади воды — ирисами, желтыми и белыми кувшинками.

Запреткой папа называл озеро, находившееся в «запретной» зоне, — рядом с ним проходил автомобильный мост. В то время он считался стратегическим объектом. Зону, прилегающую к мосту, запретной можно было назвать условно, так как со спутников все стратегические мосты и объекты давно кем нужно были сфотографированы и нанесены на карту местности. Озеро было очень красивым, со спокойной, тихой, чистой водой. Ведь людей там почти никогда не было.

Озеро Магистрацкое называется так и сейчас, и оно соединялось с Восьмеркой во время весеннего половодья. Ну а самым дальним было Лопуховатое. До него можно было добраться за час на велосипедах через бескрайние льняные луга.

В отличие от них всех Яма была смурна, угрюма, местами холодна из-за родников и временами пугала темнотой своей глубокой, спокойной воды. Если до всех этих озер добраться было легко: можно было просто встать, взять полотенце, подстилку и легкий перекус и отправиться плескаться в теплой воде, — то до Ямы нужно было добираться. Ехать, бороться за место в автобусе, спорить с пассажирами о габаритах твоего багажа, занимавшего место, передавать через голову кошелки с дачной снедью и инструментом, пропускать к выходу пышные взмыленные груди, и если не повезет занять место для сидения — топтаться минут тридцать на одном месте, ожидая конца поездки. Это было целое путешествие с приключением — из центра почти за город. Видимо, поэтому Яма была для нас желаннее других озер, тем более что на нее мы тратили весь день.

Окончание следует.